

«Если завтра не уедешь, придём ломать избу»

23 июня 2023

Село Лекма стало жертвой создания Рыбинского водохранилища в 40-х годах прошлого века. Жителей расселили — кого-то отправили в Казахстан, но многие осели неподалёку, в деревне Тиманское. Там, на чердаке одного из заброшенных домов, фотограф Ольга Скворцова нашла частично повреждённый архив негативов. Она долго приводила его в порядок, искала жителей, у которых сохранились воспоминания о затоплении, а потом восстановила историю Лекмы и автора фотографий, председателя колхоза Николая Никешина. Удивительным образом затопленное 80 лет назад село всё ещё многим дорого.

Фотохроники Лекмы

Жизнь в деревне Тиманское, что в Тверской области, будто остановилась. Две трети домов пустуют: молодёжь уехала отсюда лет пятнадцать назад, и сейчас самому юному местному жителю — за шестьдесят.

На чердаке одного из заброшенных домов я нашла лари и сундуки. Крышки были откинuty, вещи тянулись из нутра и стелились по полу: одежда, книги, агитплакаты, детские рисунки и деревенский скарб. Вдруг под ногой что-то хрустнуло — я наклонилась, подняла мутное серое стёклышко и на просвет увидела едва различимые очертания человеческой фигуры.

Тогда я опустилась на пол, стала осторожно расчищать солому и мусор в поисках других негативов (в начале прошлого века снимали на стёкла, на которые наносилась фотоэмульсия). Большая часть стёклышек лежала на чердаке в коробке: одни сохранились хорошо, другие из-за попадания влаги слиплись, с некоторых эмульсия свисала тонкой сморщившейся плёнкой.

Сплав леса на реке Мологе рядом с Лекмой. Лес до Весьегонска сплавляли весной во время половодья

Часть разбросанных по чердаку и лежавших в коробке стёкол разбились. Их я осторожно чистила колонковой кисточкой и складывала по кусочкам следующие полгода.

Каждый негатив я подолгу и с интересом изучала, всматривалась в лица людей, живших почти век назад, всё больше проникаясь их судьбами. На одной фотографии в камеру смотрят двое молодых мужчин, причём снимок явно делает один из них. Под этим «селфи» подпись: «Дорожная 1936 г». Моя девяностолетняя бабушка, Мария Николаевна Скворцова, самая старшая жительница деревни, узнала на фотографии Николая Егоровича

Никешина, бывшего председателя местного колхоза.

Никешин Николай Егорович справа. Фото, снятое с рук без штатива, является тем, что мы сегодня называем селфи. Подпись «Дорожная 1936 г», нацарапанная на фотоэмульсии зеркально, стала отправной точкой в поиске автора и понимании примерной датировки архива

Найденный фотоархив, как и заброшенный дом, раньше принадлежал Николаю Егоровичу. Люди, его знавшие, отзывались о нём как о передовом человеке, который интересовался техническими новинками. Во второй половине 1930-х у него появилась первая массовая советская камера «Фотокор № 1».

На неё Николай Егорович снимал портреты членов семьи и друзей, похоронные церемонии, окончание полевых работ, подготовку к сплаву леса и другие события, важные для жителей села Лекма, вплоть до его затопления водами Рыбинского водохранилища в конце десятилетия.

Его внучка Татьяна Александровна Дунаева рассказывала мне: «Помню, [стоял на чердаке] большой фотоаппарат с гармошкой, на штативе. В те времена, если умеешь снимать, — не откажешь другим. Тогда

фотографирование было событием!»

Подписывайтесь на «[Новую вкладку](#)» в Telegram. Давайте вместе разбираться, как жить в новой реальности и не терять связь друг с другом.

Никто не хотел уезжать

Николай Никешин родился в 1907 году в семье крестьян-середняков села Лекма Весьегонского уезда. Получил четыре класса образования. Его молодость прошла в период становления советской власти, которую он поддерживал и в идеалы которой искренне верил.

Об этом времени Николай Егорович писал так: «В 1920 году отец мой помер, оставив на воспитание матери пятерых малолетних детей. Я был старшим и выполнял всю тяжесть ведения единоличного хозяйства, от которого мы не могли прокормить себя».

Вместо школы он ходил на лесозаготовки, а с двадцати лет трудился кузнецом, слесарем, столяром. Брался за любую работу. По воспоминаниям его внуки, Николай Егорович был мастером на все руки. «В каждом доме деревни что-то делал: окна, двери, умывальники — в стране всегда чего-то

не хватало», — говорила она.

Никешин помогал организовать работы в только что созданном в Лекме колхозе: мастерил и переделывал полевую технику, обучал ею пользоваться. Односельчане избрали его главой колхоза на 136 хозяйств.

Колхоз, правда, просуществовал недолго. В конце 1930-х государство решило создать в этой местности Рыбинское водохранилище, чтобы использовать энергетический потенциал верхней Волги и удешевить перевозку грузов водным путём. Для строительства учредили Волгострой — специальное управление НКВД, использовавшее для строительства труд заключённых. К запуску водохранилища готовились несколько лет: по будущему дну вырубали лес, подрывали каменные здания и церкви.

Слева дочери Николая Егоровича Никешина — старшая Зоя и младшая Нина, 1939 год

Фаина Степановна Пронина из соседнего села Никулино рассказывала мне: «Сначала землемеры стали ходить, ставить столбы вдоль берега. Мы, дети, спрашивали: „Дяденьки, а зачем эти столбы?“ Они отвечали: „До них вода будет.“ Мы гадали, откуда её столько возьмётся».

По словам бывшего жителя Лекмы Ивана Николаевича Кощеева, тогда в село приехали представители Волгостроя и объявили, что всех выселяют.

— Они сказали: «Село стоит на низком месте, через год-два Рыбинскую плотину в действие пустим, вода подымет, вашу деревню затопит». Помню, как [потом] пришёл начальник Дмитлага (*Дмитровский исправительно-трудовой лагерь был создан для строительства канала Москва — Волга. — Прим. авт.*) к отцу и сказал: «Николай Петрович, если завтра не уедешь, придём ломать избу, не обижайся».

Уезжать никто не хотел. По словам Ивана Николаевича, лекмачи просили разрешить построить деревню рядом с кладбищем, где уже было поселение из пяти-шести домов, но им не позволили.

Вместо этого советская власть назначила жителям новые «места приселения». Больше всего повезло тем, кто успел купить дом (или перенести туда свой самостоятельно) в соседних деревнях, не тронутых затоплением: Слудах, Никулине, Раменье. Они хотя бы остались в родных краях — там, где жили их предки.

Для переселения остальных государство создавало специальные комиссии, которые разбирали дома, а потом собирали их на новом месте подальше от Лекмы. Метили брёвна, переправляли на лошадях и заново складывали. Скарб бывшие жители Лекмы везли на лошадях, коровах, в одеялах и на своём горбу. Волгострой выделял деньги на перенос построек: аванс перед началом переселения и выплату после размещения.

Чтобы получить вторую часть, следовало приложить немало усилий, подтвердив перенос дома документами. Если дом было невозможно перевезти, государство выплачивало компенсацию, сумма которой оказывалась на порядок ниже стоимости оставленных построек.

Некоторых жителей Лекмы отправили осваивать новые земли в Казахстан. Иван Николаевич Кощеев вспоминал, как туда распределили его отца: «В той малолюдной пустыне можно много Лекм разместить. Он поехал, а нас с матерью с собой не взял. Отправляли людей в товарных вагонах. Проработав там полгода, отец вернулся: „Нет, для нас это не жизнь: ни дров, ни воды, а главное, леса нет — природа другая. Скука ужасная“».

Другой житель Лекмы, Юрий Михайлович Мамонов, рассказал, что их семью отправили в село Бородулиха в Казахстане. «Там были казахи и русские — два народа. Бабушка заболела, брат заболел, и я следом заболел. Отец повёз нас обратно на родину. Приехали — ни кола ни двора, на обратном пути кто-

то украл сундук с вещами. Пожили немного в Весьегонске, а потом отец купил дом в Слудах, но земли для хозяйства было мало».

Опальный председатель

Когда Николай Егорович в августе 1940 года вернулся с Финской войны, его колхоза уже не существовало. Никешина с семьёй выселили в Тиманское — в эту деревню в 25 километрах от Лекмы перебрались и другие семьи.

Внучка Никешина, Татьяна Александровна Дунаева, удивлялась: «Почему его туда затянуло? Дед рождён на реке. А там ни озера, ни речки — дремучий лес. Когда приехали — ни коровы, ни участка. Дед говорил, чего только не ели — всё подряд, что удавалось достать. Тяжело очень жили».

Повседневные наряды пожилых женщин в Лекме чаще всего состояли из домотканых юбок, кофт и передников, платки по обычаю повязывали под подбородком

В Тиманском Николай Егорович вновь возглавил колхоз. Во время Великой Отечественной он был мобилизован в рабочий батальон, а после окончания

войны вернулся на пост председателя и занимал его до 1951 года, пока не был освобождён от должности как «не справившийся с работой».

Как написано в протоколе партийного собрания, «иждивенческие настроения бывшего руководства колхозом Никешина привели к тому, что колхоз не рассчитался с государством по обязательным поставкам зерна», а сам председатель «допустил распределение [зерна] на трудодни». В то время работники колхозов не получали зарплат, вместо них начислялись трудодни, по которым раз в год выдавалось зерно и другие продукты. Обычно «оплата» проводилась после расчётов с государством, и часто колхозникам ничего не доставалось.

Детская смертность в деревнях во времена Российской империи и первые десятилетия советской власти была высокой. По статистике, в начале 1930-х годов из тысячи родившихся детей умирало в среднем около 230, а в некоторых регионах и половина

Мария Николаевна Скворцова, жительница Тиманского, вспоминала о том времени: «После войны Никешин был председателем. Пришла проверка, нарочный как стукнет по столу кулаком: „Председатель Никешин, почему не сдаёшь зерно?“ Собрали колхозников на собрание, начальство ругает. Никешин всё выслушал, а потом и спросил: „Ну всё? Закончил? А чем будет жить колхоз, кто будет работать? Все ослабли — если я 200 грамм [зерна] не дам, что будет? Все с голоду умрут“».

Внучка Николая Егоровича сказала мне, что впервые слышит о том, что её деда обвинили в растратах, в семье это не обсуждали. «Дед, когда председателем был, любой женщине лошадь выдавал [для пахоты], но не бабушке. Бабушка пахала на быке, — вспоминала Татьяна Николаевна.

— Не жалел жену — возможно, чтобы никто не сказал, что для своих старался. Дедушка в семью вкладывался не так, как в общественное, ему нужно было признание. В доме было чисто и починено, но излишеств не было. А для других в деревне делал всё, что просили».

Затопление

Рыбинское водохранилище начало наполняться водой весной 1941 года. К тому моменту все населённые пункты из предполагаемой зоны затопления расселили. Вода прибывала постепенно, скрывая под собой деревни, сёла и города, и на запланированный уровень вышла к 1947 году.

С появлением в деревнях массовых фотокамер фотографирование похоронного обряда стало обычной практикой. Смерть была важным событием-переходом, относились к ней со смирением и уважением. Коллективный снимок с покойником у гроба — самый распространённый сюжет похоронной съёмки тех времён

Фаина Степановна Пронина вспоминала, что, когда вода стала прибывать,

столбы землемеров смыло, а Лекму, остров, мельницу и хутора потопило. «Только выстроились, только разжились — и воду дали. Не хотели никак уезжать. После бегали на гору и смотрели, где мы жили. Любовались на воду. Красивы были деревни. Все утопили», — с грустью рассказывала она.

Вода размывала берега, добираясь до новых деревень, граничащих с водохранилищем. Помимо Лекмы, уже невозможно найти на карте соседние Работкино, Озёрское, Дуброво, а в Весьегонском архиве хранятся документы о длительной переписке жителей этих деревень с Волгостроем о получении компенсации.

Дошла вода и до Лекомского кладбища. Жительница села Слуды Нина Васильевна Степухина в разговоре со мной вспоминала: «Я родилась уже в Слудах. Родители были лекомские. Детьми мы бегали на кладбище. Берег размывался молниеносно, и однажды вымыло гроб. Он упал, развалился, а в нём лежало тело девушки с длинными рыжими косами. Ещё помню гроб, обитый зелёным бархатом, в нём лежал священнослужитель: весь смоляной и блестящий, как восковый».

Ушла крестьянская культура

Село Лекма было одним из самых древних в районе, впервые упоминалось вместе с Весьегонском в жалованной грамоте архимандриту Симонова

монастыря ещё в 1462 году. В исторических документах говорится, что село занималось кузнечным промыслом, после сменив его на гвоздарный.

— Рядом с Лекмой протекала река Лекомка, вдоль неё стояли печи-доменки. Это место легко определяется по слою шлака, когда осенью в водохранилище спадает вода. Руду добывали на соседних бездонных болотах ледникового происхождения, — пояснила краевед Елена Полубенцева. — О Лекме сложно найти информацию. Невозможно даже зарисовать, как шли улицы. Судя по фотографиям, дома — типичные для этой стороны Мологи (*река, впадающая в Рыбинское водохранилище. — Прим. авт.*), с длинными дворами, чтобы зимой можно было из дома пройти в хлев к скотине, если снегом завалит.

Фото: Николай Никешин/частная коллекция Ольги Скворцовой

Комментируя архив, краевед указала на различия в одежде между молодым и старшим поколениями. Люди помоложе надевали для фотографирования пиджаки, блузки с воротниками и брошами, платья по новой моде. Старушки ходили в платках, узорчатых юбках и блузах, старики — в грубых тулупах.

Одежда для фотографирования была парадно-выходная, её специально доставали из сундуков, в одной и той же могли быть на разных фотографиях. Повседневная была совсем другого кроя и качества. На задник [за портретируемым] вешали шаль или сукно, чтобы создать контрастный фон, иначе домотканая одежда сливалась с тёмными стенами.

Разница между молодыми и пожилыми проявлялась не только внешне. Советское государство насильно вытесняло и уничтожало привычные старшему поколению крестьян представления о мире: религию, деревенские традиции и культуру. Религиозные праздники заменялись на новые, связанные с памятными датами революции. Церкви закрывались, здания передавались под «нужды колхозов» или намеренно разрушались. Людям предлагали отказаться от привычного уклада и поверить в новый миф о светлом будущем.

После выселения жители некоторое время продолжали использовать привычные земли в хозяйстве. Ездили на огороды, косили сено на заливных лугах, пасли скот, пока всё это не скрылось под водой.

Ещё один распространённый сюжет похоронной фотографии: родственники смотрят на покойника, лежащего в гробу, и тем самым отдают ему дань уважения

Внучка Николая Егоровича рассказывала: «В 80-е я с детьми приезжала сюда гулять, когда воду сбрасывали (уровень воды в водохранилище опускался. — Прим. авт.). Идёшь, перевернул камешек — а там то монетка, то цепочка, то крестик. Лекма — это такая загадка, и спросить не у кого, людей-то не осталось. Грустно».

Для фотографирования использовались фоны: одеяла, шали, сукно, чтобы создать для портретируемого более контрастный фон

Когда я искала информацию о Лекме, случайно встреченные люди в Весьегонске часто могли поддержать беседу об ушедшем под воду селе: рассказывали о своих предках и родственниках, связанных с ним. Тема затопления в этих местах до сих пор вызывает сложные чувства у местных жителей, хоть уже мало кто способен рассказать, как всё происходило. Вместе с затопленными сёлами и деревнями в небытие ушла и многовековая крестьянская культура.

Живший когда-то в Лекме Иван Николаевич Кощеев до недавних пор (*Иван Николаевич умер зимой 2023 года. — Прим. авт.*) «возвращался в родное село», когда при снижении уровня воды в водохранилище обнажался фундамент лекомской церкви.

— Я летом иногда на лодке подплываю к своему дому. А когда спускают воду, на камни всё хожу, — говорит он. — Тяжело вспоминать мне. Так мы прикипели к этой Лекме!

Жители села позируют фотографу. На девушках платки повязаны кончиками назад — по советской трудовой моде

Похоронная процессия

Слева — старшая дочка Николая Егоровича Зоя Никешина

Молодое поколение следило за модой и покупало готовые фабричные платья. Девушки украшали себя отложными и кружевными воротничками, брошами и значками

Слева — солдат РККА, справа — семья красноармейца. Семьям красноармейцев были положены льготы. Этот статус был смягчающим обстоятельством при раскулачивании: родственники красноармейцев не подлежали выселению и конфискации имущества

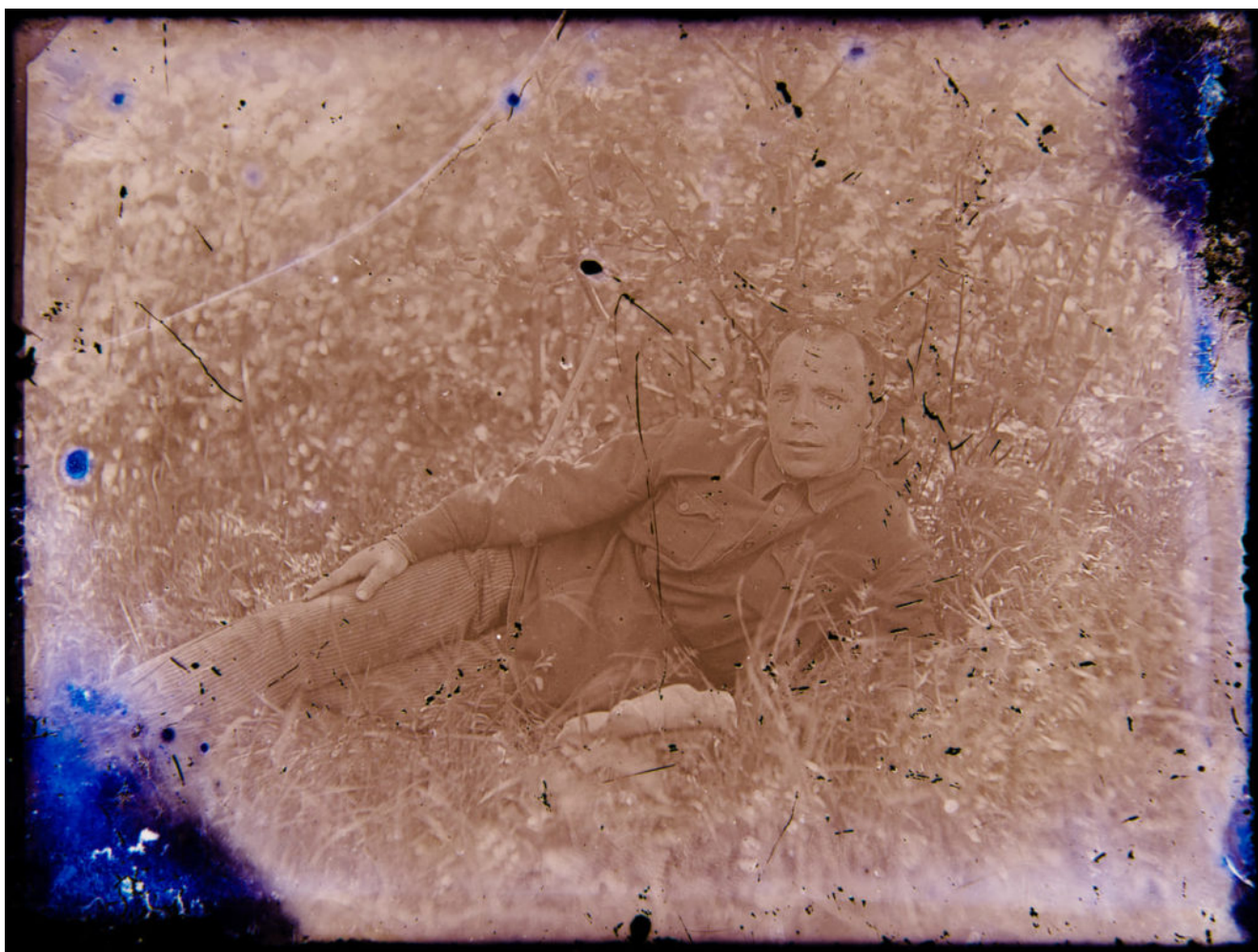

Фото: Николай Никешин/частная коллекция Ольги Скворцовой

Предположительно строительство моста на реке Лекомке

Из-за неправильных условий хранения эмульсия на стеклянных пластинах сходит и вспучивается, создавая живописные эффекты и артефакты при оцифровке

